Юрий ВОЛОДАРСКИЙ, Еженедельник 2000, Киев, №13 (552) 1 – 7 апреля 2011 г.

Их песни вплетены в пеструю ткань эпохи поистине золотой нитью. Они любимы бывшей советской публикой на всем пространстве русского мира — от Москвы до самых его окраин вроде Нью-Йорка, Тель-Авива и Ташкента. Татьяна и Сергей Никитины по-прежнему поют, и от их музыки у нас по-прежнему замирает сердце.

Концерт в столичном Доме офицеров, как и весь украинский тур Никитиных, организовал продюсер Семен Рубчинский, полномочный представитель дуэта в Украине и неувядающий энтузиаст авторской песни. После выступлений в Харькове и Одессе Никитины вроде бы выглядели немного усталыми — подумалось, годы есть годы. Но как только Сергей взял первый аккорд и началась музыка, это ощущение начисто пропало.

«Последняя песня старого лирника», «Диалог у новогодней елки», «Сон об уходящем поезде», «Когда мы были молодые», «Брич-Мулла», «Под музыку Вивальди»... Все эти композиции, исполненные на киевском концерте, давно уже стали классикой. Забвение им действительно не грозит — на Никитиных вырастают все новые и новые поколения слушателей. И то сказать, чем был бы репертуар детских песен без заветной далекой Амазонки, вечно бегающего по кругу пони и беззаботного резинового ежика с дырочкой в правом боку?

При этом Никитины ни в коем случае не почивают на лаврах. Пишут новые песни — особенно интересен их недавний цикл на стихи Бориса Рыжего. Работают над музыкой к спектаклям театров Иосифа Райхельгауза и Петра Фоменко. Много выступают, в том числе гастролируют. Организуют работу собственного благотворительного фонда, поддерживающего обездоленных и больных детей.

С Татьяной и Сергеем я встретился наутро после концерта. Для создания непринужденной доверительной атмосферы решил начать с небольшой шутки.

Пролог, 1984 год

— Первый вопрос — совершенно хулиганский. Где вы были 20 февраля 1984 года в шесть часов утра?

Сергей: (смеется)

Phoca PDF

Татьяна: Боюсь, что спали.

— А вот и не спали. В ночь на 20 февраля мы с моей будущей, а теперь давно уже бывшей женой, не приходя в сознание после бурного празднования дня рожденья подруги, отправились на автобусе из Тарту в Ленинград. Утром вышли размяться на автовокзале города Нарвы. «Смотри, какая большая гитара стоит, — сонно сказала будущая-бывшая, — не хочешь сыграть?» «Т-с-с, ты что, — ответил я, приглядевшись, — это же Никитины!»

С.: А-а, это была научная конференция по биофизике.

Т.: Ее проводили наши друзья. Мы там не только слушали семинары, но и еще немножко им пели. Кстати говоря, мы поехали во многом потому, что там были лекции знаменитого культуролога и филолога Комы Иванова.

— Вячеслава Всеволодовича? Как интересно. Он тогда как раз читал спецкурс по соседству, в нашем Тартуском университете.

Т.: Да-да. Это были лекции о схожести структур молекул ДНК и санскритских текстов. От того, с какого места ты начинаешь их читать, зависит суть полученной информации.

С.: Древние санскритские памятники устроены как матрицы. Они предполагали не только линейное чтение, но и, скажем, по диагонали.

Певцы и власть

— Кстати о науке. Сергей Яковлевич, если «Википедия» не врет, вы оставили научную деятельность в 1987-м, а вы, Татьяна Хашимовна, в 1990-м. Было ли это связано с общественными переломами конца 1980-х?

С.: В общем, да. Правда, я и раньше порывался совершить этот шаг, потому что чувствовал, что две профессии одновременно не выдерживаю. Но тогда была сильная инерция советского человека: статус научных работников, как ни странно, защищал нас от идеологического давления. Нас приглашали в студенческие аудитории, в научные институты, и контролирующие органы не могли достать нас как артистов.

— Вы чувствовали гнет со стороны властей?

Т.: Не надо преувеличивать нашего геройства. Просто, во-первых, мы периодически были невыездными, а во-вторых, нас не пускали на центральное радио. Причем иногда мы узнавали об этом уже потом.

— То есть вас записывали и не выпускали в эфир?

Phoca PDF

Т.: Да. Например, было русское радио на иностранном языке (кстати, многие работники «Эха Москвы» вышли оттуда), и его редактор сделала программу, где Сергей пел серьезные драматические тексты — сонеты Шекспира, «Смерть царя Ивана» Давида Самойлова...

— Помню-помню. «Ходит Иван по ночному покою, / Бороду гладит узкой рукой...»

Т.: Да-да. И в результате ее за это стали выгонять с работы.

С.: Ну вот, сонет Шекспира номер 66 в переводе Маршака: «Зову я смерть, мне видеть невтерпеж. / Достоинство, что просит подаянья». Один функционер это услышал и написал гневное письмо, что на радио передают... Галича.

Т.: И вроде бы дело не в нас было, а в том, чтобы сохранить человеку место работы. Но мы после этого оказались вне закона. Интересная вещь: Высоцкий и Окуджава. Казалось бы, Высоцкий был более злободневен, ярок и, соответственно, более опасен для власти. Но один американский профессор рассказал нам, как с ним разоткровенничался бывший сотрудник органов и честно признался: «Для нас Окуджава был опаснее, чем Высоцкий». Почему зажимали Ахматову, Пастернака? Потому что свободное слово побуждает людей мыслить самостоятельно. Не надо было чего-то такого изобличать — достаточно было сеять культуру, вызывающую критическое мышление и критическое отношение к действительности.

— Опасней были не те, кто против советской власти, а кто был вне ее. Кто жил, словно ее игнорируя.

Т.: Совершенно верно, такое не прощалось.

С.: Возвращаясь к 1987 году. Я уже защитил диссертацию, сам себе доказал, что могу быть достаточно дисциплинированным — для меня это действительно был вопрос самодисциплины. Танечка меня зауважала...

Т.: Ой, а то я тебя до этого не уважала!

С.: А 1987 год — это уже перестройка в разгаре, и я почувствовал, что могу оставить научную работу ради музыки. И пошел в Театр Олега Табакова заведующим музыкальной частью.

Дела государственные

— Традиционный вопрос ко всем московским гостям: как вы отнеслись к распаду СССР?

Т.: Вы знаете, я с самого начала считала, что это ошибка. Если

Phoca PDF

Советский Союз и должен был распасться, то не так, как это случилось. Я выросла в Средней Азии, знала ситуацию изнутри. Только образование и просвещение могли увести эти страны с крайнего исламского направления. Благодаря Союзу Таджикистан и Узбекистан были приведены в Европу.

— Может, им самим это было не нужно?

Т.: Нужно! Я переписываюсь с таджиками, с людьми, получившими настоящее образование, которые говорят по-русски на более высоком уровне, чем наши депутаты. Понимаете, человеку надо давать возможность расти. Тогда не было мракобесного засилья религии, подавляющего людей.

— Зато было засилье коммунистической идеологии.

Т.: А она оказалась лучше для этой конкретной ситуации. Потом, понимаете, после смерти Сталина и во времена застоя это засилье не было таким уж сильным. Мы сейчас из Израиля приехали, так все выходцы из Средней Азии вспоминают те времена с большой теплотой. Не было антисемитизма, не было раздирающих социальных противоречий, которые потом всплыли. Надо было идти эволюционным путем, а не так — сесть втроем и разрубить топором.

— Еще один государственный момент. Татьяна Хашимовна, вы несколько лет были заместителем министра культуры России. Скажите честно, вы знаете, как пилят бюджетные деньги?

Т.: Понимаете, когда я была в должности, денег вообще не было. Тем не менее чего-то отхватить, наверное, я могла бы. Сергей не даст соврать: ко мне приходят мои бывшие коллеги и говорят: «Таня, только ты вышла оттуда ни с чем!» (Смеется

С.: Это было время иллюзий, больших надежд на то, что во власть могут прийти действительно порядочные, интеллигентные люди и принести пользу Отечеству. Вот Таня и пошла туда, чтобы приносить пользу. Как-то в вестибюле министерства культуры я подслушал фразу: «Если вы хотите решить вопрос, идите к Никитиной».

Время славы

— Татьяна Хашимовна, чтобы вы не загордились, вспомним, что слава вашего дуэта все-таки началась с Сергея Яковлевича. И было это, пожалуй, после «Иронии судьбы». Имени Никитина в титрах не указали, но очень скоро вся страна узнала, кто поет за Мягкова. Как вас туда пригласили?

С.: Все началось со знакомства с Микаэлом Таривердиевым. Он нас открыл на программе «Алло, мы ищем таланты», мы тогда еще с квинтетом физиков

Phoca PDF

пели.

Т.: Он даже попытался сделать с нами сольную программу на телевидении, но ее закрыли благодаря стараниям профессиональных композиторов.

— О да, ревность профессионалов к авторам-любителям хорошо известна...

С.: Тем не менее две программы с Таривердиевым успели пройти, и зрители нас знали. Кроме того, у нас был опыт совместной работы над картиной «Пропавшая экспедиция», где я исполнял романс Таривердиева на стихи Лермонтова: «Я к вам пишу случайно, право». Когда Эльдару Рязанову понадобилось, чтобы за кадром обыкновенным человеческим голосом было исполнено несколько стихотворений с музыкой Таривердиева, пригласили меня.

— Та же «Википедия» сообщает, что в вашем творческом наследии есть всего две песни на ваши собственные стихи. Вы их помните? Когда-нибудь исполняете?

С.: Все верно. Одна была написана еще в юношестве, называлась «Песенка про Иванушку-дурачка», такая сказочная дурашливая песенка, она так и осталась в прошлом. А в 1980 году я сочинил еще одну песенку «Серпухов — Москва», навеянную моими поездками в Пущино, где я работал в Центре биологических исследований.

Т.: Нестыдная песня.

С.: Вполне на уровне КСП.

Т.: Нет-нет, неправда! Там есть настроение, чувство и грусть такая, и волнение душевное.

С.: Ну, спасибо!

— А есть ли вообще песни, за которые вам стыдно?

С.: Слава богу, нет. Песни проходят строгий внутренний домашний контроль. Вот он сидит перед вами. (Смеется) И эта критика всегда приводит к положительным результатам.

Мутации жанра

— Жанр, в котором вы выступаете, я уже лет двадцать считал умирающим. Мне кажется, что авторская песня — это такой анахронизм, что она существует только за счет продолжающих свою работу корифеев. Что ее интонация — мягкая, душевная, порой даже умильная — не соответствует времени. Что вы об этом думаете?

Phoca PDF

С.: Может быть, вы не очень хорошо знакомы с тем, что делают молодые. Есть разная интонация, в том числе более жесткая. Много интересных вещей делается на стыке авторской песни и рок-музыки. Яркий пример — Юрий Шевчук.

— В конце концов, очень много взяли от авторской песни и Макаревич, и Гребенщиков, и Шахрин. В их творчестве тексты явно превалируют над музыкой.

С.: Я вообще не склонен возводить барьеры между жанрами. Главное, чтобы была личность, чтобы песни пробуждали в слушателе тревогу, неуспокоенность.

Т.: Это, я думаю, у вас неправильная оценка. Окуджава не умилялся — он утешал. Это разные вещи. Нести утешение в душу — совсем не то, что делать сахар-сахарович и мед-медович. Отар Иоселиани говорил, что человек так травмирован одним фактом своего рождения, что еще больше усложнять его жизнь неправильно. Поиски гармонии не есть умиление.

— Тут я скорее говорил об интонации. А вообще, русская литература славится тем, что умеет усложнять жизнь — возьмем хотя бы Достоевского.

С.: На самом деле все определяется мерой таланта.

— Вы написали несколько песен на стихи замечательного, трагически погибшего поэта Бориса Рыжего. Творчество каких современных поэтов вам еще интересно?

С.: Современная поэзия идет по пути поиска формы, часто применяется свободный стих, верлибр, сложные ритмические конструкции. Я пробовал их одолеть, но пока не очень получается. В свое время был ушиблен Игорем Иртеньевым, но не нашел адекватного музыкального решения к его текстам. Там много иронии, стеба, и если подхватить этот прием музыкой, получается обратный эффект. Со стихами Иртеньева нужно делать сразу же большой цикл, программу, спектакль. Стихи Рыжего тоже этого потребовали.

— По-моему, ваша идея положить тексты Рыжего на блюзы была замечательной.

Т.: Еще я хотела бы — и Сергея стимулировала в этом направлении — попеть стихи Димы Быкова. Мы очень им увлечены и внимательно за ним наблюдаем. Он, конечно, парадоксальный человек, дико талантливый, образованный, работоспособный. Быков из факта культуры уже стал фактором культуры, он активно влияет на культурную и общественную жизнь, это очень интересно.

Phoca PDF

С.: Ну, специальная задача такая не стоит — окучивать все новые и новые целинные участки. Мы уже разработали свой сад-огород, и главная задача — поддерживать в нем жизнь.

Вслед сказанному

— Во время концерта вы сказали несколько любопытных фраз. Например, охарактеризовали фильм «Москва слезам не верит» как немного фальшивый. Вы действительно так считаете?

Т.: Я считаю, что путь от безвестной заводской девочки в директоры комбината — это некоторая натяжка.

С.: Ну, это касается только сюжета. Сюжет — это ведь достаточно условная вещь.

Т.: И слесарь Гоша такой весь из себя Баталов...

С.: Самое главное, что там есть правда чувств, правда человеческих взаимоотношений. И это, конечно, в большой степени идет от Володи Меньшова. Его режиссура — от актерского нутра, он тонко чувствует существование внутри каждой сцены. Еще хвала ему, что он хороших актеров пригласил.

— Что на прошлом концерте не понравилось некоторым киевлянам в песнях на стихи Рыжего? Они ведь на самом деле не бог весть какие жесткие.

С.: Было несколько яростных писем — мол, как мы могли так низко пасть. Были даже угрозы: «Я больше никогда не приду на ваш концерт».

Т.: Мы стараемся просто не обращать на это внимания.

— А что такого неполиткорректного сказал Сергей Яковлевич на севастопольском фестивале?

С.: Вот так вот бросишь фразу, а дотошный журналист запомнит!

Т.: Вот и отвечай теперь! (Смеется)

С.: Это было во время конфликта в Осетии на заключительном концерте фестиваля «Балаклавские каникулы», на большой площади, было тысяч восемь зрителей. Я высказал свое мнение по поводу происходивших событий, и оно резко не совпало с официальной украинской точкой зрения. Я сказал, что тот, кто отдал приказ о начале военных действий, с гуманизмом ничего общего не имеет. Хотя формулировка была более обтекаемая, дипломатичная. Просто Городницкий спел там еще «Севастополь останется русским», вот и получился конфликт.

Phoca PDF

— Вы довольно часто бываете в Украине. Чувствуете какие-то перемены здесь? Разницу с Россией?

С.: Если судить по тому, что происходит в зале, никакой разницы нет. В последнее время градус общения даже повышается.

Т.: Ну, речь ведь не об этом. Я считаю, что перемены есть. Они двоякие — и к лучшему, и к худшему. На Украине больше свобод, это чувствуется. В России более жесткий прессинг, особенно в последние годы. Что восхищает, так это расцвет украинской кухни — здесь очень много мест, где можно очень вкусно и довольно дешево поесть. В то же время чувствуется некоторое глобальное обеднение. Но, несмотря на это, южные люди более доброжелательные, более расположенные друг к другу. В России довольно ожесточенный народ, особенно в Москве. Собственно, Киев может постичь та же проблема — сюда приезжает множество людей, которые не рассматривают этот город как родной, а просто хотят заработать. Кстати, в российской глубинке ситуация совсем иная, люди там гораздо более приветливы, чем в столице.

— А ведь жизнь там куда сложнее и беднее.

С.: Жизнь беднее, а люди тем не менее теплее и добрее.

Т.: Конечно, мы от всей души желаем, чтобы Украина стала на ноги. Если Украина будет расцветать, это будет благом для России как соседа, как брата. Хотите — не хотите, но нас связывает огромное количество кровных и культурных уз.

— Я думаю, что если дети в нашей стране будут расти в том числе и на ваших песнях, то шансы на светлое будущее есть.

Phoca PDF